

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

ПОНЯТИЙНЫЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС
ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ

О.Ю. ПЕРЕВЕРЗИНА, Ю.В. СИНЯГИН

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС), Москва*

Статья посвящена исследованию одного из аспектов вопроса о движущих силах развития человека. В статье рассматривается генезис представлений отечественных и зарубежных ученых о проблеме жизненных стратегий личности; раскрывается эвристический потенциал основных методологических подходов, прямо или опосредованно включающих жизненные стратегии в свой понятийный и исследовательский дискурс. Описываются различные толкования термина «жизненные стратегии» и смежных понятий, среди которых «субъективная картина жизненного пути», «жизненный план», «жизненный путь» и др. Анализируются основные подходы к изучению жизненных стратегий: системно-функциональный (предоставляет исследователям возможности использовать потенциал жизненных стратегий личности как сложно структурированной системы для анализа различных элементов жизненных стратегий и ситуаций, в которых они проявляются), экзистенциально-гуманистический (объяснение детерминации жизни человека поиском смысла жизни и смысла своего существования), сценарный (который характеризует ведущую роль детского опыта в формировании жизненного сценария и говорит о необходимости соответствия выборов личности ее индивидуальным особенностям), пространственно-временной (не только включает обращение к прошлому и настоящему человека, а объединяет все три основных вектора – прошлое, настоящее и будущее), событийно-ситуационный (означает понимание важности изучения личности в рамках той жизненной ситуации, в которой она существует), субъектно-деятельностный (связан с развитием субъекта и его становлением как личности), нарративно-биографический (все изучаемые явления и процессы рассматриваются как происходящие в определенном социальном и культурном контексте), психолого-акмеологический (раскрывающий особенности движения личности к вершинам своего развития), рефлексивно-гуманистический (раскрывающий характеристики основных жизненных парадигм: жизнеисчерпание; жизнепорождение и жизнотворчество). Анализируются попытки некоторых авторов к рассмотрению жизненных стратегий сквозь призму профессиональных планов и образовательных траекторий личности.

Ключевые слова: жизненные стратегии личности, системно-функциональный подход, экзистенциально-гуманистический подход, сценарный подход, пространственно-временной подход, событийно-ситуационный подход, субъектно-деятельностный подход, нарративно-биографический подход, психолого-акмеологический подход, рефлексивно-гуманистический подход.

Вопрос о движущих силах, определяющих поведение человека, связан с постановкой проблемы субъектности человека в определении собственных жизненных перспектив (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.А. Петровский, Д.А. Циринг и другие). Научные исследования позволяют сделать вывод

о правомерности выделения различных уровней субъектности: низкий уровень может характеризоваться как личностная беспомощность, а высокий – как самостоятельность (Циринг, Пономарева 2012). Представления о низком уровне субъектности человека раскрываются в работах М. Селигмана, Л. Абрамсон, О.В. Волковой, Г.П. Геранюшкиной, Е.В. Веденеевой

и других). О высоком уровне субъектности свидетельствует стремление человека к осознанности, активному преобразованию действительности, управлению событиями своей жизни, преодолению сопротивления внешней среды и внутренних ограничений. Интегральной характеристикой высокого уровня субъектности выступают индивидуальные жизненные стратегии личности, которые, по определению Д.А. Леонтьева, являются «устойчивыми способами поведения, более или менее осознанно выбранными при наличии альтернативы... это не самопроизвольно функционирующие на автопилоте “пленки”, а стабильные ориентиры для “ручного” управления собственной произвольной активностью» (Леонтьев, 2010).

Анализируя научные работы, посвященные жизненным стратегиям личности, можно выявить несколько ключевых, связанных между собой направлений, в отношении которых развивается научная мысль. Среди множества актуальных вопросов стоит обратить особое внимание на эвристический потенциал основных методологических подходов, прямо или опосредованно включающих жизненные стратегии в свой понятийный и исследовательский дискурс, обратиться к попыткам построения типологии жизненных стратегий личности и по возможности проследить взаимосвязи жизненных, карьерных и образовательных стратегий личности. Подобный теоретический обзор позволит исследователям получить достаточно полное представление об основных направлениях изучения жизненных стратегий личности в современной отечественной и зарубежной литературе.

В первую очередь следует остановиться на самом термине «жизненная стратегия» и различных его толкованиях, так как современные исследователи используют наряду с понятием «жизненные стратегии» ряд других, близких по смыслу, однако более отвечающих конкретным исследовательским задачам и научным принципам ученых.

Б.Г. Ананьев в 1969 г. ввел понятие «субъективная картина жизненного пути» (см.: Ананьев, 2001), а термин «жизненный путь человека» в качестве отправного понятия использовался также С.Л. Рубинштейном, К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Кроником и другими, обозначая, к примеру, «целостный специфический процесс, в котором происходит функционирование, изменение и развитие личности» (Абульханова-Славская, 2001, с. 9).

В классической работе А. Адлера (2011) наиболее близким к понятию индивидуальной жизненной стратегии выступает понятие «жизненный план», которое он в дальнейшем из-за ошибочного понимания читателями был вынужден назвать жизненным стилем. Различая такие стили по степени их эффективности для человека, А. Адлер выделил наличие развитого социального чувства, с одной стороны, и активности в преодолении препятствий — с другой, как основу успешности и адаптированности человека в обществе. Близкими по смыслу и отчасти по содержанию являются также понятия «жизненная перспектива», что менее жестко обозначает рамки будущего человека, нежели «жизненный путь» (Головаха, 2000), «жизненная политика человека», позволяющая раскрывать данный феномен через социокультурные факторы, и др. (Резник, 2011).

Безусловно, основополагающим трудом для исследований жизненных стратегий личности является работа К.А. Абульхановой-Славской (2001), определившая ряд важных теоретических положений, которые можно считать базисом многих дальнейших исследований.

Для понимания сущностных характеристик жизненных стратегий рассмотрим основные методологические подходы к их изучению.

Системно-функциональный подход использует потенциал жизненных стратегий личности как сложно структурированной системы для анализа их различных элемен-

тов и ситуаций, в которых они проявляются. Так, в теории функциональных систем П.К. Анохина было введено понятие системообразующего фактора, который, входя в систему в качестве одного из элементов, ограничивает степень свободы всех иных элементов и является результатом системы. Он обеспечивает адаптационный эффект при взаимодействии человека со средой в процессе его жизнедеятельности, в частности при реализации индивидуальной жизненной стратегии. Таким образом, системно-функциональный подход открывает перспективы рассмотрения в качестве детерминант формирования жизненных стратегий личности не только события из прошлого человека, являющиеся своеобразными стимулами формирования стратегий (на что ориентируется биографический подход), но также и будущие, возможные, предполагаемые события как результат реализации жизненных стратегий.

Экзистенциально-гуманистическое направление в науке пытается объяснить детерминацию жизни человека его «вечным» поиском смысла жизни и смысла своего существования. В работах В.Э. Чудновского (1998), К.В. Карпинского (2008) отмечается ведущая роль «смысложизнепонимания» как детерминанты продвижения личности на жизненном пути.

В рамках гуманистического подхода существует ряд типологий стратегий, или стилей поведения, людей в различных жизненных ситуациях. Так, анализируя наиболее типичные стили, А. Адлер (2011) выделил четыре типа людей, различающихся по своему стилю жизни: управляющий, берущий, избегающий, социально полезный. Идея выделения различных типов жизненных стратегий реализуется и в подходе Э. Фромма (1998). Однако, в отличие от А. Адлера, главное у Э. Фромма – влияние на жизненную стратегию модели социального устройства. Анализируя историю человеческого общества, он постулирует следующие типы социального характера, т.е. характера, ядро

структуры которого присуще большинству членов одной и той же культуры:

- рецептивный – зависимый, пассивный, доверчивый, сентиментальный, стремящийся скорее быть любимым, чем любить,
- эксплуататорский, или эксплуатирующий, – окружающая действительность и люди являются средствами для достижения целей людей, принадлежащих к этому типу;
- накопительский, или накапливающий, – тяга к накоплению, будь то деньги или недвижимость, власть или любовь;
- рыночный – характеризующийся направленностью на внешний мир; для этого типа людей личность служит товаром, а уже исходя из этого ставится цель: продать себя как личность;
- продуктивный – ему присущи честность перед самим собой и во взаимоотношениях с другими, независимость в суждениях и поступках, горячая любовь к людям и животным, продуктивное творческое мышление; люди этого типа часто увлекаются общественной деятельностью.

Э. Фромм считал принадлежность характера человека к определенному типу, или, как он говорил, к определенной ориентации, постоянной, стабильной и не меняющейся со временем.

В рамках экзистенциально-гуманистического подхода существуют также иные типологии, в том числе разработанные отечественными учеными, о которых стоит упомянуть в силу их научной оригинальности. Так, В.Н. Дружинин (2000) предложил свою типологию вариантов жизни, отличающуюся, на наш взгляд, особой образностью и выразительностью: «жизнь начинается завтра», «жизнь как творчество», «жизнь как достижение» или «погоня за горизонтом», «жизнь есть сон», «жизнь по правилам», «жизнь – трата времени», «жизнь против жизни».

Современные российские ученые В.В. Макаров и Г.А. Макарова (2010), И.А. Мизинова (2013) и другие обращаются

к разработанному Э. Берном (1998) *сценарному подходу*, при изучении вопросов построения человеком собственной жизни. К примеру, в упомянутой работе В.В. Макарова и Г.А. Макаровой подчеркивается ведущая роль детского опыта в формировании жизненного сценария и говорится о необходимости соответствия выборов личности ее индивидуальным особенностям.

Сценарный подход, вместе с психоаналитической школой и ее ответвлениями, дает вполне приемлемое объяснение, основанное на мощном потенциале детского опыта и переживаний человека, но практически не оставляет места для изменения сложившегося сценария, признавая за ним огромное влияние на всю сознательную жизнь человека. А. Адлер как создатель одного из популярных направлений психоанализа — индивидуальной психологии, пишет: «Это глубочайшая линия поведения индивида, о которой человеческое дитя кое-что знает, но фундаментального значения которой он никогда не понимает, является стержнем всей душевной структуры. Все желания, весь круг интересов, ассоциаций, надежд, ожиданий и тревог протекает по колею этой динамики. Из нее и ради ее защиты возникают мировоззрение, побуждающие или сдерживающие механизмы, и любое событие переиначивается и переворачивается до тех пор, пока не даст позитивного эффекта, пока не будет соответствовать исходному ядру личности, той детской линии поведения» (Адлер, 2011, с. 3).

В рамках сценарного подхода также можно выделить ряд интересных современных типологий.

Так, В.Б. Рябов утверждает, что в общем виде поведение человека определяется стратегиями четырех типов: нормативными (задаются социумом и характеризуются модальностью долженствования «надо»), рациональными (определяются взвешиванием всех «за» и «против» с учетом возможных отдаленных негатив-

ных и позитивных последствий данного поведения в будущем), сущностными (имеют своей конечной целью получение позитивного эмоционального состояния, свойственного успешной реализации личной жизненной стратегии) и запретными (характеризуются модальностью «нельзя», являются частным случаем либо рациональных, либо нормативных стратегий (Рябов, 2011, с. 41–42).

Пространственно-временной подход применяется в работах К.А. Абульхановой-Славской, Т.Н. Березиной, Е.И. Головахи, А.А. Кроника, В.И. Ковалева, С.К. Нартовой-Бочавер, К. Левина, Ж. Нюттена, П. Фресса и других.

Исследование временных перспектив, заявленное в теории поля К. Левина, как и теория функциональных систем П.К. Анохина, объединяет все три вектора — прошлое, настоящее и будущее — и позволяет определить «границы психологического поля в данный момент», обусловленные масштабами жизненных ситуаций, в которых пребывает человек в конкретный момент времени.

Работы Ж. Нюттена предлагают исследовать протяженность перспективы будущего, качественное содержание мотивации человека и характеристик его временной перспективы. Ж. Нюттен рассматривает способности индивида к постановке и реализации отдаленных целей в качестве одной из его основных характеристик, называя будущее «пространством мотивации» (Нюттен, 2004, с. 9). В рамках теории временной перспективы Ж. Нютненом был разработан исследовательский метод мотивационной индукции (ММИ) как вариант метода неоконченных предложений, предназначенный для изучения содержания мотивации и временной перспективы через анализ целей, сформулированных самими испытуемыми.

Исследования К.А. Абульхановой-Славской и Т.Н. Березиной не только направляют внимание на обозначение особенностей

личности, связанных с организацией времени жизни, но и позволяют раскрыть механизмы ее активности, движущие силы ее изменения, развития и совершенствования (Абульханова, Березина, 2001). Важной, на наш взгляд, является теоретико-методологическая предпосылка включения в интеграл личностного времени идеального времени-пространства, что позволяет ставить проблему развития личности в жизненном пути и человеческой культуре.

Событийно-ситуационный подход в исследовании жизненных стратегий личности сформировал понимание важности изучения личности в той жизненной ситуации, в которой она существует. В рамках данного подхода поведение человека представляется функцией непрерывного процесса взаимодействия личности и ситуации. При этом первая выступает в качестве активного субъекта, имеющего свои когнитивные и мотивационные особенности, которые, наряду с психологическими значениями ситуации, являются существенными детерминантами поведения и жизнеосуществления личности (Бурлачук, Коржова, 1998).

Особый интерес в рамках данной работы представляет мотивационная теория счастья А.А. Кроника и Р.А. Ахмерова. В рамках этой теории, основываясь на представлениях личности о путях достижения счастья, была построена типология стилей жизни: самосовершенствование, познание мира, пользование миром, самоограничение.

А.А. Кроник и Р.А. Ахмеров (2008) в течение многих лет разрабатывали идеи каузометрии, которая представляет собой систему психолого-биографических методов самопознания, психодиагностики, психотерапии и основана на понимании души человека как множества воспоминаний, переживаний и ожиданий, объединенных стремлением человека к счастью.

Субъектно-деятельностный подход к изучению жизненных стратегий связан с развитием субъекта и его становлением

как личности; этот подход берет начало в работах С.Л. Рубинштейна и развивается в трудах многих крупных отечественных ученых (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Л.И. Божович, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев, В.С. Мухина, В.А. Петровский и другие). По мнению К.А. Абульхановой-Славской (2001), наличие и развитость жизненной стратегии являются важнейшим показателем того, насколько человек стал субъектом собственной жизни.

Мультисубъектная теория личности В.А. Петровского (2007) раскрывает вопросы, связанные с трансценденцией индивидом своих границ («надситуативная активность»), обретением своего инобытия в других («персонализация») и возвращением к себе как субъекту активности («осознание себя как личности»); ученым используется понятие состоятельности устремлений человека в контексте его жизни.

В определенной степени созвучной отечественным исследованиям в рамках субъектно-деятельностного подхода является развиваемая в последние десятилетия теория самодетерминации Э. Диси и Р. Райана, которая, как отмечает Т.О. Гордеева (2010), на сегодняшний день является наиболее влиятельным и фундаментальным подходом к изучению человеческой мотивации, личности, психологического развития и благополучия. Теория самоопределения, по мнению ее авторов, направлена, прежде всего, на поиски необходимой человеку опоры для здорового развития, эффективного обучения и оптимизации производительности труда; она также затрагивает проблемы психологического здоровья личности.

Нарративно-биографический подход объединяет в себе два направления, сочетание которых в научных исследованиях и практике открывает широкие возможности познания жизненного пути и стратегий личности. Основной движущей силой нарративного подхода в логике данной

работы является обращение к социокультурному контексту нарративов, подразумевающему, что формированию проблемно-насыщенных историй способствуют социокультурные установки.

В нарративной традиции все изучаемые явления и процессы рассматриваются как происходящие в определенном социальном и культурном контексте (см., например: Логинова, 2001). Рассматривая биографический метод, Н.А. Логинова говорит о том, что «именно этот метод сочетает в себе аналитичность, строгость научного с синтетичностью и метафоричностью художественного описания сложных психологических явлений. Он еще не вполне утвердился в современной психологии и не всегда рассматривается в системе ее методов, но интерес к нему растет, и метод интенсивно развивается» (Там же, с. 4).

Важным заделом в изучении детерминант формирования индивидуальных жизненных стратегий личности является серия исследований, выполняемых в русле научной школы А.А. Деркача авторским коллективом под руководством Ю.В. Сиягина на протяжении ряда последних лет. Эти работы осуществляются в рамках *психолого-акмеологического, ресурсного и контекстного подходов*. В частности, в одном из исследований, посвященных детерминантам формирования индивидуальных жизненных стратегий личности в образовании и карьере под руководством Ю.В. Сиягина (2009–2011 гг.) основным методом стал уже упомянутый ранее биографический метод, показывающий определяющее влияние событий жизни человека на его дальнейшее становление и развитие. Данный метод направлен на реконструкцию жизненных программ и сценариев развития личности, пространственно-временной организации ее жизни. В результате проведенного исследователями факторного анализа было установлено, что не все факторы, определяющие

индивидуальную жизненную стратегию личности, являются биографическими; другими словами, лишь некоторые характеристики индивидуальной жизненной стратегии складываются под влиянием фактов биографии человека. Вместе с тем были зафиксированы некоторые интересные различия между формированием индивидуальных жизненных стратегий у государственных служащих и представителей бизнес-структур (Сиягин, 2010).

В *рефлексивно-гуманистической парадигме* (Е.П. Варламова, С.Ю. Степанов) различают три жизненные стратегии: жизнеисчерпание, жизнепорождение и жизнетьворчество (Варламова, Степанов, 2002).

Важный вклад в исследование проблемы жизненных стратегий внесли работы Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова. Сложное и недостаточно разработанное проблемное поле, охватывающее мир жизненных стратегий личности, побудило этих авторов обратиться к познавательным и методологическим возможностям *комплексного подхода* (Резник, Смирнов, 2002). Предложенное ими комплексное, системное исследование жизненных стратегий учитывает единство психических и социальных, интернальных и экстернальных сторон деятельности личности.

По мнению авторов, жизненные стратегии личности различаются между собой по характеру ведущей ориентации, или доминирующей форме активности. Они подразделяются на несколько типов: индивидуалистические, коллективистские и персоналистические стратегии, стратегии благополучия, успеха и самореализации. При этом каждому из указанных типов стратегического ориентирования личности соответствует та или иная модель жизненного поведения. Всего можно выделить три такие модели: жизнеобеспечение, жизнестроительство и жизнетьворчество.

В настоящее время производятся попытки обозначить конкретные сферы жизнедеятельности, подверженные субъ-

ектному контролю и воздействию. На методологическом уровне дискурсом междисциплинарных исследований личности все чаще становится методология конструктивизма, или социального конструирования реальности; в частности, эта методология, наряду с культурно-исторической теорией, стала опорой в понимании трансформаций идентичности в Интернете (Асмолов, Асмолов, 2010). По мнению авторов, одним из наиболее привлекательных аспектов бытия личности в виртуальной реальности остается возможность конструирования образа по своему выбору.

В последние годы также наблюдается повышение интереса к изучению жизненных стратегий человека сквозь призму его профессиональных планов или образовательных траекторий.

Исследования индивидуальных жизненных стратегий в контексте образования, к сожалению, не слишком многочисленны. А.С. Мельничук рассматривает проблему формирования субъективной стратегии личностно-профессионального развития, которая определяется им как индивидуально специфичная система представлений человека о целях, смыслах, направлениях, путях и средствах своего совершенствования. По мнению автора, структура субъективной стратегии личностно-профессионального развития в образовании включает ряд компонентов: целевой (образ желаемого результата), мотивационно-смысловой, прогностический, содержательный, организационно-содержательный, процессуально-временной, ресурсный (Мельничук, 2011).

В.Б. Рябов (2011) в исследовании, посвященном разработке гуманитарной технологии организационного проектирования и развития, предлагает рассматривать стратегии трудовой жизни человека сквозь призму качества трудовой жизни и удовлетворенности человека своим трудом. На наш взгляд, проблема удовлетворенности, затрагиваемая В.Б. Рябовым, является до-

статочно эвристичной для раскрытия темы индивидуальных жизненных стратегий личности и требует дальнейшего изучения.

А. Валикас и Р. Пикаускайте-Валикене получили ряд интересных результатов, показывающих эмпирически доказанную связь между субъективным благополучием и самооценкой карьерных компетенций служащих государственного сектора Литвы (Valickas, Pilkauskaite-Valickiene, 2014). В своих более ранних исследованиях они обнаружили, что карьерные компетенции положительно влияют на конструирование профессиональной идентичности (Valickas, Pilkauskaite-Valickiene, 2012). Однако, по мнению этих авторов, до сих пор ощущается нехватка исследований, изучающих взаимовлияние карьерных компетенций и субъективного благополучия. Поэтому основными вопросами их исследования стало в том числе выявление различных групп сотрудников (государственных служащих) в соответствии с самооценкой карьерных компетенций и определение различий в уровне их субъективного благополучия.

Процедура исследования включала самооценку трех компетенций, влияющих на развитие человека: компетенции самопознания (self-knowledge), компетенции профессионализма, т.е. профессиональных знаний (occupational knowledge) и компетенции планирования карьеры (career planning).

Было выявлено четыре различных кластера сотрудников в соответствии с самооценкой компетенции планирования карьеры: «Средний отрицательный», «Средний положительный», «Негативный», «Позитивный». Множественные сравнения показали, что субъективное благополучие сотрудников из положительных кластеров было выше, чем работников из отрицательных кластеров.

Авторы сделали вывод, что управление индивидуальной карьерой становится стратегической способностью личности

проактивно ориентироваться в трудовой сфере. Впоследствии это может повысить уровень субъективного благополучия, которое является одним из основных показателей социального прогресса общества. Ученые приводят выдержки из документов Совета Европейского Союза, в которых говорится о том, что в условиях быстро изменяющегося мира граждане должны обладать необходимыми знаниями, умениями и образцами поведения, чтобы понимать и справляться с проблемами современного мира с учетом экологических, социальных и культурных последствий, чтобы взять на себя «глобальные обязанности» для достижения благосостояния и социального прогресса общества. На наш взгляд, в отношении государственных гражданских служащих такой посыл особенно актуален.

Еще одним интересным направлением зарубежных исследований является изучение формирования жизненных и карьерных стратегий, исключающих проявления синдрома профессионального и эмоционального выгорания. Так, турецкие ученые М. Енер и О. Козкун сфокусировались на отношениях между требованиями работы, привлечением ресурсов, необходимых для работы, и уровнем эмоционального выгорания муниципальных служащих (Yener, Coşkun, 2013). Авторы говорят о том, что служащие, взаимодействующие в рамках своих должностных обязанностей с большим количеством людей (работники помогающих профессий, полицейские, муниципальные служащие, связанные с приемом граждан, и др.), в большей степени подвержены синдрому выгорания, чем другие сотрудники. С помощью термина «выгорание» описываются чувства людей, которые считают, что профессиональный стресс изменил их первоначальные представления о себе и своей работе. По мнению авторов исследования, сотрудники, переживающие выгорание, могут оказывать вредное воздействие на своих коллег, и репутацию своей организации.

Теория сохранения ресурсов, которой придерживаются авторы, предполагает, что выгорание возникает, когда определенная ценность ресурсов теряется, является недостаточной для удовлетворения потребностей или не дает ожидаемых доходов.

В рассматриваемом исследовании эмпирическим путем обосновывается, что высокий уровень конфликтов, неопределенности, рабочих перегрузок приводит к повышению уровня синдрома выгорания, в то время как социальная поддержка, автономия в работе, существование возможностей для личностного развития и справедливости воспринимаются как дополнительные ресурсы человека, которые способствуют его реализации в работе и тем самым приводят к снижению уровня синдрома выгорания.

Стоит обратить внимание на интересные исследования, включающие в проблематику восприятия и формирования жизни и жизненных стратегий человека социокультурный и кросскультурный контексты. К примеру, группа канадских и иранских ученых провела исследование ожиданий и убеждений относительно персонального будущего, будущего всего мира и личных целей среди канадских и иранских студентов (Bagherian et al., 2011). Было выявлено, что различия в типах культуры (культура индивидуализма в Канаде и культура коллективизма в Иране) накладывают отпечаток на представления и ожидания молодых людей относительно своей будущей жизни. Результаты показали, что и иранские и канадские испытуемые были более оптимистичны относительно их личного будущего, чем относительно будущего всего мира, но иранцы с меньшим оптимизмом смотрят в будущее мира, чем канадцы.

Что касается важности персональных целей, то канадские студенты среди приоритетов для себя назвали длинную жизнь и счастливый брак, в то время как иранцы в числе важных для себя целей видят следующие: быть богатым, жить мирной жизнью,

быть хорошо образованным, быть известным и придерживаться религиозной жизни. Интересен, на наш взгляд, и тот факт, что иранцы, несмотря на тенденцию к пессимизму в восприятии будущего, больше склонны верить в отдаленное благополучие, считая, что возможно изобретение лекарства от рака, наступление мира во всем мире и наступление времени, когда все будут понимать друг друга и говорить на одном языке. Анализируя полученные зарубежными учеными результаты, можно предположить: чем в более сложных условиях (культурных, социальных, личных) находится человек в данный момент времени, тем отдаленнее во времени его перспектива персонального и мирового благополучия.

Таким образом, обобщение основных работ, прямо или косвенно исследующих индивидуальные жизненные стратегии человека, показывает ряд исследовательских задач, требующих своего разрешения. Необходимо уточнение самого понятия жизненных стратегий, его существенных характеристик, а также уделение внимания характеристикам жизненных стратегий различных профессиональных и социальных групп.

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 2001.
2. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
3. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академический проект, 2011.
4. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
5. *Асмолов А.Г., Асмолов Г.А.* От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации и идентичности в виртуальном мире // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2010. № 1. С. 3–21.
6. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Университетская книга, 1998.
7. *Бурлачук Л.Ф., Коржова В.Ю.* Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
8. *Варламова Е.П., Степанов С.Ю.* Психология творческой уникальности человека: Рефлексивно-гуманистический подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2002.

9. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // *Психология личности в трудах отечественных психологов.* СПб.: Питер, 2000. С. 266–267.
10. *Гордеева Т.О.* Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 1: Проблемы развития теории // *Психол. исслед.: электрон. науч. журн.* 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/343-gordeeva12.html>
11. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
12. *Карпинский К.В.* Опросник смысловых жизненных кризиса: монография. Гродно: ГрГУ, 2008.
13. *Кроник А.А., Ахмеров Р.А.* Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2008.
14. *Леонтьев Д.А.* Перспективы неклассической психодиагностики // *Психол. исслед.: электрон. науч. журн.* 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru>.
15. *Логинова Н.А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университеті, 2001.
16. *Макаров В.В., Макарова Г.А.* Сценарии персонального будущего в карьере и жизни. М.: Академический проект, 2010.
17. *Мельничук А.С.* Детерминанты формирования субъективных стратегий личностно-профессионального развития // *Мир психологии.* 2011. № 3. С. 223–234.
18. *Мизинова И.А.* Жизненный сценарий личности: основные подходы к рассмотрению // *Известия Саратовского ун-та.* 2013. Т. 13. № 4–1. С. 59–64.
19. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
20. *Петровский В.А.* Индивидуальность и саморегуляция: опыт мультисубъектной теории // *Мир психологии.* 2007. № 1. С. 13–30.
21. *Резник Ю.М.* Социокультурные основания жизненной политики человека // *Социология власти.* 2011. № 7. С. 5–20.
22. *Резник Ю.М., Смирнов Е.А.* Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Ин-т человека РАН; Независимый ин-т гражданского общества, 2002.
23. *Рябов В.Б.* Гуманитарная технология организационного проектирования и развития. М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
24. *Синягин Ю.В.* Личностно-профессиональные факторы успешности карьеры современных государственных служащих // *Мир психологии.* 2010. № 9. С. 226–240.

25. Фромм Э. Иметь или быть. Киев: Ника-Центр, 1998.
26. Цирунг Д.А., Пономарева И.В. Психологические функции личностной беспомощности // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 357. С. 173–175.
27. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба человека // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 175–183.
28. Bagherian F. et al. Beliefs and expectations about the future of personal life and future of the world in a sample of Iranian and Canadian students / F. Bagherian, C. Rocca, W. Thorngate, M.A. Salehinezhadd // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. N 30. P. 602 – 607.
29. Valickas A., Pilkauskaitė-Valickienė R. The role of career competencies on subjective well-being // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. V. 116. P. 2736–2740.
30. Yener M., Coşkun Ö. Using job resources and job demands in predicting burnout // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. V. 99. P. 869–876.
- References in Russian:**
1. Abul'hanova-Slavskaja K.A. Strategija zhizni. M.: Mysl', 2001.
2. Abul'hanova K.A., Berezina T.N. Vremja lichnosti i vremja zhizni. SPb.: Aletejja, 2001.
3. Adler A. Praktika i teorija individual'noj psihologii. M.: Akademicheskij proekt, 2011.
4. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznanija. SPb.: Piter, 2001.
5. Asmolov A.G., Asmolov G.A. Ot My-media k Jamedia: transformacii i identichnosti v virtual'nom mire // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 14. Psihologija. 2010. N 1. S. 3–21.
6. Bern Je. Iгры, v kotorye igrajut ljudi. Psihologija chelovecheskih vzaimootnoshenij. Ljudi, kotorye igrajut v igrы. Psihologija chelovecheskoj sud'by. SPb.: Universitetskaja kniga, 1998.
7. Burlachuk L.F., Korzhova V.J. Psihologija zhiznennyh situacij. M.: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1998.
8. Varlamova E.P., Stepanov S.Ju. Psihologija tvorcheskoj unikal'nosti cheloveka: Refleksivno-gumanisticheskij podhod. M.: In-t psihologii RAN, 2002.
9. Golovaha E.I. Zhiznennaja perspektiva i cennostnye orientacii lichnosti // Psihologija lichnosti v trudah otechestvennyh psihologov. SPb.: Piter, 2000. S. 266–267.
10. Gordeeva T.O. Teorija samodeterminacii: nastojashhee i budushhee. Ch. 1: Problemy razvitiya teorii // Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. zhurn. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/343-gordeeva12.html/>
11. Druzhinin V.N. Varianty zhizni. Oчерки jekezistencial'noj psihologii. M: PER SJE; SPb.: IMATON-M, 2000.
12. Karpinskij K.V. Oprosnik smyslozhiznennogo krizisa: monografija. Grodno: GrGU, 2008.
13. Kronik A.A., Ahmerov R.A. Kauzometrija: metody samopoznanija, psihodiagnostiki i psihoterapii v psihologii zhiznennogo puti. M.: Smysl, 2008.
14. Leont'ev D.A. Perspektivy neklassicheskoj psihodiagnostiki // Psihologicheskie issledovanija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru>.
15. Loginova N.A. Psihobiograficheskij metod issledovanija i korrekcii lichnosti. Almaty: Kazak universiteti, 2001.
16. Makarov V.V., Makarova G.A. Scenarii personal'nogo budushhego v kar'ere i zhizni. M.: Akademicheskij proekt, 2010.
17. Mel'nichuk A.S. Determinanty formirovanija sub#ektivnyh strategij lichnostno-professional'nogo razvitiya // Mir psihologii. 2011. N 3. S. 223–234.
18. Mizinova I.A. Zhiznennyj scenarij lichnosti: osnovnye podhody k rassmotreniju // Izvestija Saratovskogo universiteta. T. 13. 2013. N 4–1. S. 59–64.
19. Njutten Zh. Motivacija, dejstvie i perspektiva budushhego / pod red. D.A. Leont'eva. M.: Smysl, 2004.
20. Petrovskij V.A. Individual'nost' i samoreguljacija: opyt mul'tisub#ektnoj teorii // Mir psihologii. 2007. N 1. S. 13–30.
21. Reznik Ju.M. Sociokul'turnye osnovanija zhiznennyj politiki cheloveka // Sociologija vlasti. 2011. N 7. S. 5–20.
22. Reznik Ju.M., Smirnov E.A. Zhiznennye strategii lichnosti (opyt kompleksnogo analiza). M.: Institut cheloveka RAN, Nezavisimyj institut grazhdanskogo obshhestva, 2002.
23. Rjabov V.B. Gumanitarnaja tehnologija organizacionnogo proektirovanija i razvitiya. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2011.
24. Sinjagin Ju.V. Lichnostno-professional'nye faktory uspešnosti kar'ery sovremennyh gosudarstvennyh sluzhashchih // Mir psihologii. 2010. S. 226–240.
25. Fromm Je. Imet' ili byt'. Kiev: Nika-Centr, 1998.
26. Ciring D.A., Ponomareva I.V. Psihologicheskie funkcii lichnostnoj bespomoshhnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. N 357. S. 173–175.
27. Chudnovskij V.Je. Sмысл zhizni i sud'ba cheloveka // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1998. N 1. S. 175–183.